

УДК 391

И.Н. Гемуев*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬКУПОВ

Социальной организацией селькупов занималось немало исследователей, но единого мнения по этой проблеме нет. Так, с точки зрения Е.Д. Прокофьевой для селькупов была характерна дуально-фратриальная и родовая организация. Однако, как отмечает З.П. Соколова, рассматривая тезис Е.Д. Прокофьевой о существовании пар родов, откуда преимущественно брали жен [Прокофьева, 1952], остается непонятным, «касается ли это всех селькупов или характерно для какой-то одной их группы. Не вскрыт механизм этих брачных взаимоотношений, неясно каково соотношение родовой и фратриальной экзогамии» [Соколова, 1970, с. 144]. З.П. Соколова склонна считать, что дуально-фратриальная организация была характерна для всех селькупов и близка к обско-угорской [Там же, с. 145, 149]. По мнению Г.И. Пелих, общественные отношения у нарымских селькупов до появления русских были архаичнее, чем у других северосибирских народов. В ее работах мы обнаруживаем данные о бытовании у селькупов таких институтов, как племена, роды, союзы родов, фратрии, трехродовые союзы, кольцевая связь при заключении браков [1963, с. 137–148].

У селькупов, как и обских угров, к приходу русских были племенные союзы, но, как считала З.Я. Бояршинова, существенно различались. Если у угров племенные союзы уже сложились и развивались по пути образования классового общества, то у селькупов они только складывались в борьбе против других народов, стремившихся к захвату их территорий [Бояршинова, 1960, с. 69]. Следует заметить, что у селькупов уже в XVI в. существовало крупное воинственное образование (Пегая орда), которое под руководством князя Воня оказало серьезное сопротивление русским.

После окончательного присоединения Сибири к России, особенно в XVIII–XIX вв., в социально-экономической жизни селькупов особо важную роль играла соседская община. Вопрос о происхождении института соседской общины и роли в этом процессе семьи (семейной общины) до сих пор остается дискуссионным [Бромлей, 1981, с. 191–194]. Его решение невозможно без существенного расширения материала, что требует изучения малоисследованных в данном аспекте народов и этнографических групп.

Социально-экономическое развитие селькупского общества в XIX в. сказалось и на характере семейной организации. В начале века у северных (и нарымских) селькупов преобладала архаичная семейная община – братская семья. Ее возглавляла группа мужчин – родных и коллатеральных братьев, которые имели (или могли иметь) жен и детей. Сыновья (племянники) мужчин старшего поколения, достигнув брачного возраста, женились и оставались вместе с женами в этой большой семье (дочери-племянницы при замужестве уходили в семьи мужей). Средства производства, орудия труда, имущество являлись общесемейным достоянием, но ими фактически распоряжались братья-хозяева. Они же организовывали производственную деятельность семьи и участвовали в ней. Потребление в семье было коллективным. Со временем на смену отцов-дядьев приходило новое поколение мужчин – сыновья-племянники братьев-хозяев, которые брали на себя обязанности предшественников и получали их права.

Братская семья являлась устойчивым образованием. Раздел практиковался лишь в случае ее чрезмерного разрастания, причем вновь образованные семьи совпадали с исходной по характеру и структуре. Брат-

ская семья у тазовских селькупов (1801 г.) состояла в среднем из 16,3 чел. (ГАКК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–11), максимальные размеры ее достигали, согласно данным “исповедных росписей”, 28 чел. Это позволяло братской семье существовать в экономическом отношении изолированно, поскольку она самостоятельно справлялась с решением хозяйственных задач.

Во второй половине XIX в. братская семья уступила место иной форме семейной организации. Основную массу селькупских семей стали составлять неразделенные и малые семьи с преобладанием последних. Изменилась не только структура, но и численность семьи. В 1920-х гг., по данным Л.Н. Добровой-Ядринцевой, семья селькупов в среднем состояла из 5,45 чел., у туруханских – 5,07 чел. [1924, с. 18]. М.А. Сергеев, опираясь на статистику 1926 г., приводит еще меньшую цифру – 3,9 чел. [1956, с. 94]. При значительно уменьшившейся численности семьи ее хозяйственная деятельность не могла ограничиться лишь частичной модернизацией отдельных отраслей (широкое распространение со второй половины XIX в. огнестрельного охотничьего оружия), тем более, что оленеводство, рыболовство характеризовались прежней архаичностью. Возникла объективная необходимость появления иных форм организации хозяйственной деятельности, которые позволили бы компенсировать недостаточность человеческих ресурсов семьи позднего времени. Понятно, что трансформация семьи и возникновение института компенсаторного характера происходили параллельно и в русле единого процесса социально-экономического развития селькупского общества. Для выяснения характера этого института рассмотрим проблемы землепользования и организации труда в селькупском обществе.

Охота на пушного зверя являлась основной товарной отраслью селькупского хозяйства. Покупателями были как русские купцы, приобретающие основную часть добычи, так и соседи-ненцы, поставлявшие селькупам олени шкуры и готовую одежду. Участник экспедиции 1864 г. на Таз и Енисей И. Буторин в своем “Подлинном письме” писал: “Остяки (имеются в виду тазовские селькупы. – И.Г.) продают зверей всякого рода в село Лариатское Сургутского отдельного управления, оставляют для себя только чтобы уплатить государственный есак, а поблизости к церкви самый лучший зверь продают юракам Березовского округа, которые в большом количестве приезжают... в зимнее время. А юраки вместо того меняют им свою одежду, например, оленя за 100 белок, малицы – 100 белок, сокуй – 100 белок, пимы или сотуры – 50 белок, и эта одежда приготовлена ими из оленьих шкур дикого оленя” (Архив ВГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 46. Л. 14). Товарной

являлась почти вся продукция пушного промысла (по данным М.А. Сергеева, товарность охоты составляла 98,5 %).

Охота на пушного зверя основывалась на постепенном опромышлении угодий в течение зимнего сезона. «Он (селькуп. – И.Г.) до сих пор не имеет понятия о более совершенных методах охвата промысловой площади, чем кочевье со всем чумом – “аргыш”», – писал В.Н. Скалон [1931а, с. 75]. Информаторы сообщают, что аргыш совершался, как правило, всей семьей по вполне определенному маршруту. Во время кочевания опромышлялись участки тайги вдоль пути передвижения. У каждой семьи было отчетливое представление о передававшихся по наследству “своих” охотничьих угодьях. Журнал “Советский Север” в одной из редакционных статей утверждал: «В силу традиции от отца к сыну переходят данные участки в опромышление. Можно встретить также заявления туземцев... “Здесь мой отец ходил и кости деда лежат, век здесь наша дорога и никуда отсюда не уйдем”» [Туруханский район..., 1934, с. 100].

Право эксплуатации семей своего промышленного места признавалось и русской администрацией в XVIII – начале XIX в. Это нашло отражение в ряде документов. В одном из них говорилось: “Приказ Нарымской округи капитана исправника Голотвинова в Кецкой волостной суд Попову... по просьбе... Тайных юрт есашного Семена Серебина деревни Моховой на крестьянина Ивана Коновалова, который взял сто ево черканов и промышлял в ево промышленном месте девять лет. Приказать за оные черканы и за то, что в ево месте имел промысел без кортому (платы) заплатить, а впредь в есашные места приказать не ходить. Декабря 23 дня 1786 года” (ГАТО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1. Л. 521).

Сообщения информаторов, архивные и литературные данные свидетельствуют, что в исключительной собственности (основанной на праве первого освоения и длительного пользования) каждой семьи находились определенные охотничьи угодья, пушной промысел носил чисто индивидуальный характер.

Первую половину зимы (до “большого аргыша”) селькупы жили в землянках, “обстреливая” близлежащие угодья и занимаясь подледным ловом рыбы. Каждая землянка служила жилищем в течение нескольких зим. Причем в прошлом землянка не всегда являлась жилищем одной семьи. В книге енисейского губернатора А.П. Степанова говорится: “Когда остановится река, остяки начинают рыть для себя землянки; прикрывают их сверху бревнами, сучьями и насыпают землю; но оставляют отверстия для дыма и света. В каждой землянке помещается несколько семей по соглашению” [1836, с. 65]. Аналогичные сведения сообщают и современные информаторы – люди старшего возраста. Так, информатор М.А. Кусамин отме-

чает: “Первую половину зимы семьи в землянке живут. Землянка семьи на две-три. Семья не только братьев, и другие могут. Питаются отдельно. Стреляют каждый себе, для своей семьи. Рыбу совместно едят и совместно добывают...”.

Большой аргыш во второй половине зимы редко совершался малыми семьями в одиночку. “У отца семья большая была, братьев пять, сестер две или три, — рассказывает М.А. Кусамин. — Жили по отдельности, но жили в одном месте, по Нижней Байхе. У каждого брата своя семья была, а жили в одном месте. Охотились отдельно, у каждого своя семья, а ездили вместе. Поставят чум, уходят, дня три ходят, по своей дороге каждый, каждый что добудет — это его”. Информатор А.С. Безруких сообщал: “У наших Безруких и у Тетериных общее было, у них как бы артель. Не родные, а по месту жительства соединились. И зимой каслали (кочевали. — И.Г.) вместе... Вместе-то ездят, дорогу протаптывают”.

Приведенные материалы позволяют представить характер организации охотничьего промысла. Зимнее жилище создавалось коллективными усилиями и являлось коллективной собственностью нескольких семей. Это могли быть семьи братьев. Однако допускалось и широко практиковалось совместное проживание неродственных семей. Каждая семья вела индивидуальное хозяйство — самостоятельно промышленяла пушнину, приобретала и потребляла покупные продукты. Подледный лов и потребление рыбы производили совместно все семьи, живущие в данной землянке. Большой аргыш осуществлялся также сообща семьями братьев или совместно живущими неродственными семьями, для чего объединялись олени, которые, как и орудия охотничьего промысла, являлись собственностью каждой семьи. Добыча пушнины велась охотниками индивидуально — каждым для своей семьи.

Таким образом, обнаруживаются две тенденции. Одна из них связана с коллективным трудом и потреблением (совместное строительство и использование семьями жилища, коллективный подледный промысел рыбы и совместное ее потребление, коллективное использование транспорта — оленей). Другая тенденция определяет развитие индивидуального хозяйства каждой семьи (семейная собственность на оленей, индивидуальный пушной промысел и потребление семей купленных и приобретенных в ходе обмена продуктов). Характерно, что в цитированных свидетельствах, отражающих действительность конца XIX — начала XX в., семьи братьев и неродственные семьи выступают в одинаковом качестве. Однако до этого периода большой аргыш совершался преимущественно братьями, т.к. они, даже обзаведясь собственными семьями, были вынуждены использовать для охоты уголья своего отца, на которые имели одинаковые права. Вместе с тем

малонаселенность тайги позволяла прокладывать и новые “дороги”, не мешая охотникам, опромышлявшим традиционные маршруты. Это необходимо учитывать при изучении причин появления коллективов, состоящих из неродственных семей.

В XIX — начале XX в. рыболовство почти не имело товарного значения для селькупов. А.П. Степанов по этому поводу писал: “Самое любимое занятие для остяков есть рыбная ловля, которая, впрочем, не доставляет им никакой выгоды, кроме собственного продовольствия во время ловли и годового запаса” [1997, с. 63]. Даже в середине 1920-х гг. у туруханских селькупов, имевших прямой выход по водным путям к Енисею, товарность рыболовного промысла составляла лишь 18,5 % [Сергеев, 1956, с. 95].

Оленеводство у селькупов было целиком транспортным направлением [Гемуев, Пелих, 1974]. Олений транспорт являлся главным фактором успеха в “большой охоте” зимой. Именно наличием оленей определялась товарность и доходность хозяйства в целом. В материалах обследования, проведенного в 1920–1921 гг., говорилось, что “александровские и байшенские остяко-самоеды стоят на краю полного хозяйственного упадка в связи с обезоленением” (ГАНО. Ф. р. 354. Оп. 1. Д. 135. Л. 35). Хозяйство, лишившееся своего стада, “при любой снабженности его промысловым инвентарем... неизбежно впадает в нищету. Безоленные промышленяют очень мало...” [Скалон, 1931а, с. 75]. Отсюда понятно чрезвычайно бережное отношение селькупов к оленям.

Массовый летний лов рыбы и обслуживание оленей, совпадавшие по времени, представляли собой единый комплекс хозяйственной деятельности и требовали кооперации труда. Это прежде всего отражалось на характере поселений селькупов. “Туземцы кочующие не имеют постоянных селений и не живут более 2–3 чумов”, — говорится о летних стойбищах селькупов в одном из документов Туруханского райисполкома 1932 г. (Архив Туруханского райисполкома. Дело “Контрольные цифры второй пятилетки интегральной кооперации”. Л. 7). Информаторы обычно называют группу из двух–четырёх родственных или неродственных семей, промышленяющих на одном водоеме. При этом подчеркиваются “фамильная” принадлежность водоема и наследственный характер пользования им.

При выборе места для летнего поселения учитывалась возможность выпаса неподалеку оленей. Летняя стоянка находилась, как правило, вблизи зимнего жилища. “Указывая район кочевания, — писала Л.Н. Доброва-Ядринцева, — остяк Тымско-Караконской управы определяет два пункта — речку, озеро, где он веснует, летует и **даже зимует** (выделено мной. — И.Г.), и район промысла, куда он уходит за белкой или диким оленем” [1924, с. 74].

Отдельные промысловые места (пески) крупных рек (Таз, Турухан) также опромышлялись живущими в этом районе семьями совместно. “Местное население строго придерживается определенных правил в пользовании рыболовными песками... И кто вздумает эти правила нарушить, тот за это жестоко расплачивается” [Островских, 1931, с. 165].

Приведем данные об организации рыболовного промысла, содержания оленей и взаимоотношениях между семьями, кооперировавшими труд в этих видах хозяйственной деятельности. По свидетельству П.Е. Островских, “пользование водоугодьями происходит, как правило, артельно. Иногда объединяются две-три семьи, иногда организуется артель из 4–5 семей” [Туруханский район..., 1934, с. 101]. В.Н. Скалон отмечал, что “общие невода не изготавливаются на артельные деньги, а сшиваются на срок из кусков, принадлежавших отдельным хозяйствам. Поэтому встречаются невода неоднородной прочности ячеи”. В одном из осмотренных неводов (р. Верх. Таз, устье р. Матыльки) он «нашел части трех- и пятиперстовой ячеи, да еще в одном крыле был значительный участок “тугуновой” дели...» [Скалон, 1931б, с. 51]. “Общность средств производства... распространяется главным образом на орудия рыболовства... Запоры обычно устраиваются сообща соседями” [Скалон, 1930, с. 132]. По свидетельству информатора З.М. Андреева, “они вот кучей рыбачат, договариваются, где и кто у хорошего места сидит. Если Чичерина речка – без разрешения нельзя”. О братьях своего мужа (каждый из которых имел свою семью) информатор М.Т. Кусамина говорит так: “Когда разделились, братья далеко не уехали. У них кушать нет, мы помогаем, они – нам, если нужно. Мы жили дружно. Если в хорошем месте рыбачат, хорошее место найдут, вместе добывают, потом каждый себе утащит”. Информатор У.Т. Киприна о том, как жили отец ее мужа и его братья (все имели семьи), вспоминает: “Друг другу братья помогали: кто рыбу добудет – всегда тащит. Кушать берут. Олений сарай общий был. Они рыбачить ездят, а бабы оленей смотрят, дымокур справляют. Все бабы справлять ходили. Порс, юколу бабы отдельно делают (каждая для своей семьи). А оленей вместе пастушат. Вместе Баиху загораживают, речку загораживали. Потом делили. Поровну на четыре части делили (отец мужа и три его брата)... **Старшего из братьев не было** (выделено мной. – И.Г.), все кругом хозяева”. Информатор М.А. Кусамин рассказывает о братьях отца (у всех были семьи): «А рыбу добывали... вместе... Оленей держали вместе... Там и другие Кусамины (неродственные семьи). Если я дежурю, я остаюсь на лето; две семьи оставались дежурить. Олени свои у каждого, а держали вместе. У братьев отца клеймо олень было одно, а олень различали. У наших всех братьев – правое ухо ре-

зали. Когда отцовские братья жили вместе, главного среди них не было. Все знают, все умеют. Скажет один: “Поехали речку городить” – и все едут».

Из приведенных материалов следует, что в рыболовстве и оленеводстве преобладал коллективный труд, он использовался и в охоте на линуую водоплавающую дичь. Коллектив состоял из нескольких семей, которые жили на одном или нескольких близлежащих водоемах. Часто это были семьи родных и коллатеральных братьев, хотя обычным делом являлось объединение неродственных семей. (Характерно, что информаторы, рассказывая о коллективах семей, сообщая содержавших оленей и промышлявших рыбу, имеют в виду, как правило, те же коллективы, члены которых вместе занимались в зимний период охотой и подледным ловом рыбы.) Жилища (чумы) находились неподалеку друг от друга, хотя водоемы (или участки водоемов) в соответствии с правом первого освоения и длительного пользования считались принадлежащими отдельным семьям; промыслом рыбы занималась группа семей. В зависимости от времени года ловля велась на небольших речках или участках крупных водоемов (озер), реках Таз, Турухан и их наиболее значительных притоках, например, Ниж. и Верх. Баих. Улов делили пропорционально числу участников лова. Консервировала рыбу на зиму (приготовление порсы, юколы) каждая семья отдельно. Вместе семьи содержали оленей, коллективно сооружая олений сарай (*чунар*) и поддерживая дымокуры. Если пастбища находились неподалеку от водоемов, уход за оленями возлагался в основном на женщин. Если же это было невозможно, то семьи по очереди (каждый летний сезон) обеспечивали содержание оленей, получая при этом пай из улова семей, занимающихся только ловлей рыбы.

Коллективы семей были стабильными образованиями, что обеспечивалось территориальной близостью их водоемов и проявлялось в ежегодном чередовании “дежурных” семей, ухаживающих за оленями. Вопросы, связанные с общим промыслом, решались коллегиально; “старшего” или “главного” не было, но в отдельных отраслях совместной хозяйственной деятельности выделялись лидеры из числа наиболее опытных и способных членов коллектива. Родственные и неродственные семьи в коллективах были на равных, хотя фамильное “владение” водоемами, наличие общего “клейма” у оленей, принадлежавших братьям, позволяют сделать вывод о том, что первоначально такие объединения состояли из малых семей братьев, которые в силу своей малочисленности не могли вести хозяйственную деятельность самостоятельно.

Итак, селькупская семья начала XX в. осуществляла производственную деятельность в коллективе семей. Этот коллектив характеризовался общностью

использования угодий, совместным трудом, взаимопомощью, локальной близостью или общностью жилищ его членов и относительно стабильным составом. Труд в той или иной степени являлся коллективным во всех видах промыслов, как и управление хозяйственными делами; равные обязанности гарантировали равные права. Сказанное позволяет видеть в таком коллективе соседскую общину, а не только “производственное объединение” или “производственный коллектив”, как полагает В.В. Лебедев [1980, с. 82–91]. Иное дело, что все трудоспособные члены общины были одновременно членами общинного производственного коллектива – в этом своеобразие селькупской соседской общины, отнесенной И.С. Гурвичем к охотничье-оленоводческому типу [1970, с. 403].

Было бы, конечно, значительным упрощением считать, что, поскольку возникновение соседской общины связано с разложением архаической семейной общины, то соседская община всегда состояла только из малых и неразделенных семей. Напротив, поначалу она, естественно, имела гетерогенный характер, т.к. в орбиту складывавшейся соседско-общинной организации могли быть втянуты и семьи, еще сохранившие братскую структуру. Однако это был лишь переходный этап, характерный для периода формирования соседской общины как института.

В период перехода от архаической семейной общины (братской семьи) к соседской сосуществовали общины обоих типов. В этой связи интерес представляют данные, приведенные В.В. Лебедевым: примерно половина семей (семьи братской структуры) вела хозяйство самостоятельно и почти столько же коллективов состояло из неродственных семей [1980, с. 83]. Будучи примерно равными по своим хозяйственным возможностям, и те и другие представляли собой исторически разные типы общины: первая – архаическая семейная община – братская семья, вторая – соседская община, состоявшая из самостоятельных семей.

Сопоставление роли соседской общины и семьи показывает, что труд всей общины применялся на подготовительном этапе каждого из основных видов хозяйственной деятельности селькупов – зимней охоты и промысла рыбы, а труд отдельных семей – на завершающем их этапе. Коллективно строилось зимнее жилище, коллективно содержались и использовались олени, без которых не мог быть успешным охотничий промысел, и лишь благодаря этому был возможен индивидуальный труд охотников в пользу своих семей. Ловля рыбы велась семьями сообща, после чего женщины индивидуально готовили порс и юколу. Семья, таким образом, проявляла себя лишь на завершающем этапе промысла в двойной роли – производственной ячейки и ячейки потребления результатов предыдущего коллективного труда.

Сравним общинную организацию северных и южных (нарымских) селькупов. Заметим, что в XIX – начале XX в. хозяйственная деятельность селькупов Нарымского края отличалась известным своеобразием. В этот период нарымские селькупы постепенно утрачивали оленеводческие традиции – оленеводство продолжало бытовать только в некоторых периферийных районах их расселения [Гемев, Пелих, 1974, с. 91]. Отсутствие оленей сделало южных селькупов в основном пешими охотниками. Кроме того, у нарымских селькупов бытовал промысел, которого не было на Севере, – сбор кедровых орехов, являвшийся “большим подспорьем материальному быту инородцев” (ГАТО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 581. Л. 324) и увеличивавший товарность их хозяйства. Для нарымских селькупов характерна гораздо меньшая подвижность, по сравнению с другими группами. Наконец, селькупы Нарымского края гораздо сильнее испытывали на себе русское влияние. Это отмечено в целом ряде работ [Прянишников, 1898, с. 221; Плотников, 1901, с. 79] и нашло отражение в архивных документах. Некоторые группы селькупов Приобья, оказавшиеся поселенными в среде крестьян, вследствие причин, обусловивших колонизационное развитие Сибири, подвергались постепенному обрусению, многие из них, приняв веру, обычаи и язык местных крестьян, совершенно утратили племенные особенности. Учитывая это, Главное управление Западной Сибири еще в 1876 г. предполагало причислить ряд селений (юрт) “Больше-Шегарской, Мало-Шегарской, Соргулинской, Больше-Байгульской Обского отделения инородческих управ и Мало-Байгульской Чулымской остяцкой волости к крестьянским волостям” (ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 15–16). Согласно переписи 1910–1911 гг., охотничьим промыслом было занято только 77 %, а рыболовным – 90 % туземных хозяйств Нарымского края (ГАТО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2. Л. 74).

У большинства нарымских селькупов, продолжавших заниматься традиционными промыслами, как и у их северных соплеменников, “все основные виды производственной деятельности... (охота, рыболовство, собирательство) требовали в той или иной степени объединения сил целого коллектива” [Пелих, 1961, с. 78]. Эти коллективы различались по характеру промысла. Если в рыболовстве “все и наиболее продуктивные способы ловли требовали объединения усилий почти всего коллектива взрослых работников” общины-юрты [Там же, с. 80], то “производственные коллективы охотников не были постоянно существующими объединениями. Они возникали по мере надобности, группируя тех или иных членов туземного поселка, и переставали существовать с прекращением охоты, чтобы вскоре опять возникнуть, возможно, в несколько ином составе” [Там же, с. 82]. У сель-

купов, имевших скот, помимо коллективного труда практиковалась и коллективная взаимопомощь (помочи), к которой прибегали обычно при сенокосе. Территориальная община-юрта “могла разрешить в подавляющем большинстве случаев все вопросы, касающиеся как ее отдельных членов, так и всей юрты в целом” [Там же, с. 80].

На раннем этапе своего развития община-юрта на-рымских селькупов состояла в основном из семей однофамильцев. Так, в 1902 г. в юртах Чебанских четыре из пяти проживавших там семейств носили фамилию Тюшелековы, в юртах Софрониных два из трех семейств – Сасиасовы, в юртах Игрековых пять из шести семейств – Казбеёвы, в юртах Сарафановых – только Сарафановы, в юртах Титковых четыре из шести семейств – Мучинины, в юртах Челноковых – два из трех семейств – Челноковы и т.д. (ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 106. Л. 228–232). На кладбищах старых селений нарымских селькупов информаторы до сих пор с определенностью указывают группы находящихся рядом могил (обычно вытянутых в ряды), в которых похоронены представители только той или иной “породы”. Н.А. Миненко даже отмечала у селькупов “патронимийные” кладбища [1975, с. 198]. Все эти данные позволяют заключить, что первоначально община-юрта нарымских селькупов представляла собой объединение родственных семей.

Таким образом, различия между южными и северными группами селькупов определялись не только характером промыслов, но и организацией их хозяйственной деятельности. Северным селькупам был свойствен более или менее стабильный по составу коллектив-община, все члены которой были связаны участием во всех промыслах и имели общее зимнее жилище. У нарымских селькупов временные коллективы охотников сочетались с промышлявшими рыбу общеюртовыми коллективами, а общее жилище отсутствовало. Иными словами, для хозяйственной деятельности северных селькупов была характерна почти полная интеграция семьи в коллектив – общину, у селькупов Нарымского края степень такой интеграции была гораздо ниже.

Хозяйственная деятельность селькупской семьи (малой и неразделенной) в 1900–1930-х гг. была возможна только в составе трудового коллектива, который первоначально состоял, очевидно, из обособившихся (в результате сегментации и трансформации архаической семейной общины) родственных семей. На коллективном труде и его результатах базировались индивидуальный труд и индивидуальное хозяйство семьи.

Для хозяйственной деятельности малой селькупской семьи рассматриваемого периода была характерна двукладность хозяйства (сочетание патриархального и мелкотоварного укладов), воспринятая от брат-

ской семьи. При этом мелкотоварный уклад играл значительно большую роль в ее жизни, чем в жизни ее предшественницы. Однако сосуществование обоих (патриархального и мелкотоварного) укладов обеспечивалось сочетанием коллективного и собственно семейного (общинного) труда. Преобладающее значение того или иного вида труда определялось уровнем социально-экономического развития той или иной локальной группы. Поэтому вопрос об основной экономической единице селькупского общества в конце XIX – начале XX в. не может быть решен однозначно. В этот период семья, как правило, еще не могла существовать вне общины, чем и определяется роль последней как основной экономической единицы селькупского общества [Пелих, 1961, с. 80]. Это относится в равной степени к нарымским и северным селькупам. Одновременно шел процесс постепенного обособления наиболее зажиточных семей. На другом полюсе находились самые бедные семьи, единственная возможность существования которых была связана с отчуждением их труда. Однако для хозяйственной деятельности большинства селькупских семей община сохраняла свое значение вплоть до 1930-х гг.

Анализируя существующие точки зрения на генезис соседской общины, академик Ю.В. Бромлей пришел к выводу, что “переходной формой от родовой общины к собственно соседской... была не большая семья, а первобытная соседская община” [1981, с. 193]. Селькупский материал показывает, что соседская община (поначалу гетерогенная) может возникнуть и на основе распада архаической семейной общины – братской семьи. При этом следует обратить внимание на то, что архаическая семейная община (братская семья) построена в сущности по модели родовой общины. Обоим этим институтам присущи коллективный характер собственности на средства производства и орудия труда, коллективность потребления, одинакова и структура этих общностей. Можно предположить, что на севере Сибири, где объединения в “50, 100, 200 и более мужчин” не могли быть производственной единицей [Долгих, 1970, с. 375], архаическая семейная община (братская семья) могла являться формой реализации родо-общинных отношений, а в стадии разложения – служить базой для возникновения, с одной стороны, нового типа семьи, а с другой – соседско-общинной организации.

Список литературы

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1960. – 151 с.

- Бромлей Ю.В.** Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – 390 с.
- Гемүев И.Н., Пелих Г.И.** Селькупское оленеводство // СЭ. – 1974. – № 3. – С. 83–95.
- Гурвич И.С.** Соседская община и производственные объединения малых народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 384–417.
- Доброва-Ядринцева Л.Н.** Туземцы Туруханского края. – Новониколаевск: [Б.и.], 1925. – 81 с.
- Долгих Б.О.** Типы отцовско-родовой организации народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 361–383.
- Лебедев В.В.** Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы Северо-Запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. – 1980. – № 2. – С. 82–116.
- Миненко Н.А.** Северо-Западная Сибирь в XVII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 306 с.
- Островских П.Е.** Башенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Сов. Север. – 1931. – № 7/8. – С. 161–181.
- Пелих Г.И.** Территориальная община – юрта у селькупов Нарымского края конца XIX – начала XX в. // Тр. / Том. гос. ун-т. Сер. истор. – 1961. – Т. 150. – С. 73–83.
- Пелих Г.И.** Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сибирский этнографический сборник, 4. – М.: Наука, 1962. – С. 176–196. – (Тр. / Ин-т этнографии. Нов. сер.; Т. 78).
- Пелих Г.И.** К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов (вторая половина XIX в.) // Тр. / Том. гос. ун-т. Сер. истор. – 1963. – Т. 165. – С. 137–148.
- Плотников А.Ф.** Нарымский край. – СПб.: [Б.и.], 1901. – 366 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд. статистики; Т. 10, вып. 1).
- Прокофьева Е.Д.** К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник, 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 88–107. – (Тр. / Ин-т этнографии. Нов. сер.; Т. 18).
- Прянишников К.С.** Очерки Нарымского края // Сибирский торгово-промышленный календарь. – Томск: [Б.и.], 1898. – С. 219–227.
- Сергеев М.А.** Некапиталистический путь развития малых народов Севера. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 570 с.
- Скалон В.Н.** В тундре Верхнего Таза // Сов. Север. – 1930. – № 3.
- Скалон В.Н.** Оленеводство в бассейне р. Таза // Сов. Север. – 1931а. – № 3/4. – С. 70–87.
- Скалон В.Н.** Рыбные промыслы в бассейне р. Таза // Сов. Север. – 1931б. – № 3/4.
- Соколова З.П.** Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 103–153.
- Степанов А.П.** Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997. – 223 с.
- Туруханский район** (характер землепользования) // Сов. Север. – 1934. – № 2. – С. 100–102.

Материал поступил в редколлегию 17.05.04 г.

УДК 391

Е.Ф. Фурсова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mfl1@mail.ru*

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ РУКОДЕЛИЙ КРЕСТЬЯНОК БАРАБЫ И ВАСЮГАНЬЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

Старообрядцы Барабы и Васюганья пока не изучались этнографической наукой. Известные своими песенными традициями васюганцы, прежде всего жители верховьев р. Тары, привлекали внимание в основном фольклористов [Мельников, 1989]. Между тем старообрядцы этой группы федосеевского согласия** 10–15 лет назад являлись носителями традиционной культуры, в которой как в зеркале нашли отражение история их миграций и контактов, принадлежность к северорусской традиции и староверию. Данная работа написана на основе полевых материалов автора, которые были собраны в 1990-х гг. в ходе периодического наблюдения за группами старообрядцев Барабы и Васюганья и членами федосеевских общин в Омске и Новосибирске.

Особенности этнической истории конфессионально-этнографической группы старообрядцев Васюганья

По рассказам стариков, хранителей устной истории, группа старообрядцев Васюганья в поисках лучшей

доли в 1903–1919 гг. мигрировала в Сибирь из-за недостатка земель из губерний Российской империи, административно относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии. Переселение старообрядцев из западных областей Советской России за Урал отмечалось также в 1919–1929 гг.

Поборники “истинной христианской веры”, стремясь сохранить целостность культурных традиций, селились в отдаленных и труднодоступных районах, например, на Таре были выбраны места ближе к болотистому Васюганью. По воспоминаниям информаторов, до оз. Чаны переселенцы ехали на поезде, а до Кыштовки и затем до Макаровки три дня шли пешком. Согласно полевым материалам, первой в 1903–1907 гг. была заселена д. Бергуль, а затем деревни Макаровка, Платоновка и Морозовка. До настоящего времени сохранились только два широко известных своими песенниками селения – Бергуль и Макаровка. Архивные данные подтверждают сообщения информаторов: в “Деле Томской Казенной палаты по отделению со списками переселенцев пос. Бергульского Кыштовской волости Каинского уезда, получивших ссуды” указано, что водворение тех и других происходило с 16 мая по 25 сентября 1903 г. (ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227. Л. 1–22). В Бергуль въехали преимущественно выходцы из “Вильно” или “Риги”, а в Макаровку – мигранты из Виленской и Витебской губерний.

В наиболее рано освоенном переселенцами Бергуле до приезда русских старообрядцев проживали мордва (мокшане), чуваша, приехавшие, как считается, ранее, примерно в 1898 г. Из экспедиционных

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

** Федосеевское согласие получило свое название от дьяка Крестецкого яма Новгородской губ. Феодосия Васильева. Федосеевцы не молились за царя (представителей светской власти) и придерживались безбрачия. Наиболее крупное объединение федосеевцев – московская община с руководящим центром на Преображенском кладбище.